

ГЛАВА I

— Цзинь Ми... Цзинь Ми... Цзинь Ми? Цзинь Ми!

Писчая кисть опускается в воду. Густая тушь растекается по поверхности, неизменно вырисовывая один и тот же неясный портрет. Выражение лица то и дело меняется, подобно картинкам в фонаре скачущих лошадей¹, который вращается, движимый теплом свечи. Безучастный и надменный, готовый то заплакать, то рассмеяться, незнакомец порой пышет гневом, стиснув зубы, а временами отрешенно скорбит. Он всегда твердит одно и то же, на разные лады повторяя мое имя — Цзинь Ми. Каждый раз, когда я пытаюсь разглядеть черты загадочного лица, его тень тут же расплывается и бесследно исчезает...

— Ми'эр, Ми'эр... — Кто-то легонько похлопал меня по щеке, и я резко открыла глаза.

Я насквозь промокла от пота, одежда прилипла к спине, грудь прерывисто вздымалась и опадала.

— Снова привиделся кошмарный сон? — Отец, Повелитель вод, провел холодной рукой по моему

¹ Фонарь скачущих лошадей (кит. 走马灯) — праздничный большой фонарь с движущимися внутри тенями бумажных лошадей.

лбу, овевя свежестью. Вязкий жар, охвативший все тело, отступил. — Не бойся, я рядом.

Он присел на край кровати, обнял меня за плечи и мягко похлопал по спине, словно успокаивая трехлетнего ребенка. Этот простой жест чудесным образом рассеял тревогу.

После того как Небесная Императрица попыталась сжечь мне нутро кармическим огнем, а я притворилась мертвой, чтобы затем «воскреснуть», отец изо дня в день ухаживал за мной, не ведая покоя и сна. Он сам готовил и давал мне целебный отвар, не доверяя это дело никому. Всякий раз, когда я просыпалась, отец неизменно являлся, чтобы унять лихорадочный жар. И едва мне стало лучше, позволил Рыбешке меня навещать. Повелитель ночи приходил, ласково брал мою руку и заботливо делился частицей духовной силы. В глазах Рыбешки сквозила неприкрытая боль. Покидая покои, он оборачивался при каждом шаге. Несколько раз проведать меня пожаловали и двадцать четыре Цветочные владычицы. Их лица подурнели от невыносимого горя. А однажды привратник даже доложил о визите Небесного Императора и Бессмертного владыки Юэ Лао, но отец отказался их принять, сославшись на то, что «дочь слаба телом, а ее дух истощен».

Все это было для меня в новинку. В Водном зеркале мне порой случалось захворать, если я допускала промах, культивируя духовную силу. Спустя несколько дней, когда дела шли на поправку, учитель Ху подмечал желтоватый цвет моего лица и нехотая приносил успокоительных трав. Последний раз

неудача при культивации постигла меня во дворце Брачных уз, когда я гостила у Бессмертного владыки Юэ Лао. Он как раз преподнес мне в дар множество книг с эротическими иллюстрациями. Обнаружив на другой день у меня темные круги под глазами, бессмертный лис пришел в восторг:

— Малыш Ми, ты плохо спал этой ночью? Тебя взволновали рисунки? Прекрасно, прекрасно!

Затем, захлопав в ладоши и расплывшись в довольной улыбке, Бессмертный владыка Юэ Лао взял мою руку и с чувством произнес:

— Мысли о любви укрепляют тело и продлевают жизнь.

На самом деле я еще не успела ознакомиться с его драгоценными рисунками, которые он берег как зеницу ока. Но не хотелось лишать его радости и прерывать ликование. Поэтому сделала вид, что молчаливо признаю его правоту.

Я прожила ничтожной былинкой больше четырех тысяч лет, привыкла к одиночеству и воспринимала его как должное. Теперь у меня появился отец, Повелитель вод, и жених, Повелитель ночи, который мечтал спрятать меня, чтобы уберечь от любых невзгод. Это новое, неведомое прежде ощущение навело на мысль, что смерть не так уж плоха. Я была не против «умереть» еще несколько раз, чтобы вновь испытать незнакомое чувство.

Мне становилось лучше день ото дня. Несомненно, я шла на поправку, однако кошмарные сны продолжали меня преследовать. Едва голова касалась подушки, как чья-то смутная тень по неизвестной причине вторгалась в мои сны.

В тот день отец напоил меня целебным отваром и вручил клинок. Тонкое, остро заточенное с двух сторон лезвие формой напоминало ивовый лист. Клинок сиял холодным блеском и, если присмотреться, искрился, словно хрусталь.

— Этот клинок изготовлен из небесного льда. Я вложил в него половину своей духовной силы. Держи его при себе, Ми'эр. Если кто-то захочет причинить тебе вред, ты сможешь себя защитить.

Половина духовной силы! Отец так легко об этом сказал, что у меня от удивления онемел язык. Ради моей безопасности Повелитель вод лишился половины своей энергии! Неудивительно, что в последнее время он так бледен, даже привычный легкий румянец сошел с его щек. Потерять столько силы за раз — серьезный удар по истинной ци. Изначальный дух отца тоже мог пострадать...

— Отец, я непременно буду во всем тебя слушаться и почитать! — От растерянности я долго не знала, что сказать, в глубине души надеясь, что когда-нибудь обрету бессмертие и смогу отблагодарить его.

— Глупышка, — погладил он меня по голове и одарил безмятежной улыбкой.

Наступила ночь. Вняв моим уговорам, Повелитель вод удалился, чтобы отдохнуть и набраться сил. А я то и дело ворочалась с боку на бок. И, в конце концов спрятав ледяной клинок у себя под одеждой, достала из-под подушки золотистый предмет. Однажды мне сказали, что он тоже способен меня защитить. Я долго разглядывала при свете свечи императорское перо Феникса. Интересно, как поживает птичка? Мои посетители о Фениксе не упоминали,

а я не расспрашивала. Повелитель вод держал в своей резиденции много прислужников и не привечал болтливых фей. Поэтому с тех пор, как пострадала от рук Небесной Императрицы, я ничего не слыхала о Фениксе и о том, оправился ли он от раны. Поразмыслив, я решила, что разум и чувства призывают меня его навестить.

У ворот перед дворцом Ветвей платана я замешкалась. Мне пришло на ум, что не стоит сообщать о своем визите привратникам, ведь мое горло пострадало в противоборстве с Небесной Императрицей и мне все еще больно говорить. Не тратя попусту слов, я перелезла через стену. На протяжении ста лет я прислуживала Фениксу в кабинете, поэтому прекрасно знала дворец и его окрестности. Так что, отыскав слабое место в магическом барьере, без труда проникла внутрь и направилась напрямиком туда, где располагались покои птички.

Ухватившись за оконную раму, я заглянула в спальню. В полутьме комнаты, скользя по полу, колыхались занавеси. На постели, закрыв глаза и насупив брови, лежал Феникс, его руки покоились на животе. Ослепительно-белые пальцы слегка изогнулись, будто пытаюсь что-то схватить. Его лицо осунулось, он очень исхудал. Утопая в пышном, мягком одеяле, Феникс напоминал хилого кабинетного ученого, которому не по силам даже курицу связать. Повелитель огня выглядел так, будто ему необходима защита.

Только я хотела войти, как заметила, что подле постели кто-то сидит. Я невольно остановилась. Обращенная ко мне спиной изящная тень, нежно

откинув волосы со лба Феникса, заботливо стирала шелковым платком мелкие капельки пота, обильно выступившие на лице больного.

Это была не кто иная, как принцесса Суй Хэ, глава народа птиц. Точно опасаясь, что за ночь Феникс простудится, принцесса укрыла его руки и участливо подоткнула края одеяла.

Вдруг тот, не просыпаясь, резко выпростал руку и схватил девушку за запястье. Похоже, его пальцы не утратили силы, потому что Суй Хэ тихонько охнула. Губы Феникса дрогнули, он что-то произнес. Принцесса в растерянности застыла, но быстро пришла в себя. Не пытаясь вырваться из цепкой хватки больного, она принялась осторожно гладить свободной рукой по тыльной стороне его ладони. Тихая ласка Суй Хэ заметно успокоила Феникса, и он перестал хмуриться.

В следующее мгновение принцесса что-то сказала и склонилась к кровати... Их губы соприкоснулись. Прошло немало времени... Я потеряла глаза. Но как ни всматривалась в комнату, картинка как будто расплывалась. Феникс пошевелился. Похоже, он просыпался. До меня отчетливо донеслись слова, которые произнесла принцесса перед тем, как прилечь к постели Феникса: «Я тоже люблю тебя, Сюй Фэн».

Я ушла прежним путем, перебравшись через стену. И после того долго сидела на ступенях бесконечной лестницы у ворот дворца, подперев рукой щеку. Любуясь луной, я думала, что ночь сегодня на редкость темна, а лунный свет слишком ярок.

Спать не хотелось. Не знаю, сколько еще существ в этом мире не ведали сна в столь поздний час, но не сомневаюсь, что кое-кто наверняка тоже не сомкнул глаз. Посреди темного леса, в сумраке дворца Небесных сфер и вправду не спал Рыбешка. Он полулежал на бамбуковой кушетке, подперев одной рукой голову и зажав в другой бамбуковый свиток. Над ним грациозно порхали мерцающие светлячки, исполняя роль лампы.

— Ми'эр? — встрепенулся Повелитель ночи. — Почему ты пришла? Ночью холодно. Зачем ты ходишь босая, хотя едва оправилась от ран?

Отложив в сторону свиток, Рыбешка встал. В его словах звучал упрек.

Я опустила голову и неловко пошевелила покрасневшими пальцами ног, только сейчас сообщив, что забыла надеть обувь или же потеряла ее по пути. Пока раздумывала, что к чему, внезапно ощутила приятную легкость — это Рыбешка поднял меня на руки. Я смутилась, но Повелитель ночи сразу же усадил меня на кушетку.

Я замерла на краю плетеного ложа, пока Рыбешка растирал мои ступни. Под конец он пылко прижал мои ноги к своей груди, не обращая внимания на прилипшую к ним грязь.

— Что случилось? — Рыбешка внимательно и терпеливо смотрел на меня.

Ноги наконец согрелись. Я покашляла, прочищая саднившее горло, и спросила невпопад:

— Ты познал многих бессмертных дев?

Я сидела на кушетке, покусывая губы и уставившись на Рыбешку, опустившегося на одно колено.

Повелитель ночи замер. Серебристая луна высветила румянец, вспыхнувший на его скулах. Он кашлянул, отвернувшись, и снова обратился на меня ласковый взгляд:

— Интимная близость не детские забавы. Только тем, кто как муж и жена вошли в отчий дом почтить родителей, тем, чей брак скреплен небом и землей, дозволено совершать обряды Чжоу-гуна¹. Я не ветреный и к тому же обручен с тобой, поэтому бессмертные девы меня не интересуют. Лишь с нетерпением жду восьмого дня следующего лунного месяца, чтобы ввести тебя во дворец Небесных сфер, где мы проживем в любви и согласии, подобно паре птиц цзянь² и паре рыб де.

Я опешила. Судя по словам Рыбешки, заниматься парной культивацией позволялось только супругам. А то, что произошло между мной и Фениксом, говорило о легкомыслии и ветрености. Но ведь Фыркающий владыка уверял, что мужчины и женщины могут заниматься парной культивацией без всяких ограничений! А Бессмертный владыка Юэ Лао — что парная культивация приводит энергии инь и ян к гармонии. Эти трое явно разошлись во мнениях. Я же запуталась и не в состоянии понять, кто из них прав.

¹ Обряды Чжоу-гуна (*кит.* 周公之礼) — эвфемизм, означает интимные отношения между супругами. Чжоу-гун — младший брат У-вана, основателя династии Чжоу (XI в. — 221 г. до н. э.), регент при малолетнем сыне У-вана. Помимо прочих заслуг, Чжоу-гуну приписывают введение ритуала вступления в брак ради укрепления моральных устоев общества.

² Цзянь (*кит.* 鵪) — мифические птицы, которые могут жить исключительно в паре, потому что имеют одно крыло и один глаз (Далее термины китайского бестиария см. на стр. 411–412).